

Понятие «мировая литература» в советской культуре 1930-х гг.: Первый съезд советских писателей

Расширение поля исследуемых культур и литератур под эгидой «мировой литературы» на протяжении XX в. привело к рефлексии над теоретическими проблемами, связанными с этим термином. К актуальным исследовательским направлениям относятся изучение истории и содержания понятия, определение географического охвата и границ «мировой литературы» в прошлом и настоящем. За последние десятилетия различные аспекты идеи «мировой литературы» становились предметом дискуссий и отдельных работ таких западных исследователей, как Д. Дамрош, Г. Спивак, Э. Аптер, Дж. Пизер. Однако все эти дебаты прежде не учитывали советский проект «мировой литературы» (за исключением работ, посвященных издательству «Всемирная литература»).

Сама идея «мировой литературы», восходящая к И.-В. Гете [см.: Эккерман 1981: 219], была актуализирована К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» 1848 г. [см.: Маркс, Энгельс 1955: 428], что обеспечивало органичное встраивание концепта в советскую культурную повестку в после-революционные годы. В дальнейшем понятие «мировой литературы» легло в основу ряда советских культурных проектов: от массового издания художественной литературы, сопряженного с мощной переводческой работой, до создания научно-исследовательских институтов. Так, Ж. Давид, анализируя историю «Всемирной литературы», рассматривает 1924 год, когда издательство фактически перестало существовать, в качестве поворотного момента. По мнению автора, за описанными событиями следует дискредитация идеи «мировой литературы» как таковой в условиях тоталитаризма и усиления националистических тенденций в СССР, а история эволюции концепта после закрытия издательства в чем-то подобна истории эволюции большевизма [см.: David 2011: 129]. Мы сомневаемся в справедливости

заключительного тезиса исследователя, т. к. последующее десятилетие советской истории не представляется возможным свести к одному только «тоталитарному нарративу» XX в.

Эволюция идеи «мировой литературы» в 1930-е гг. происходила в несколько ином, нежели в предыдущем десятилетии, политическом и культурном контексте. Самый широкий контекст — внешнеполитический: приход к власти А. Гитлера в 1933 г. привел к поляризации мира. Сильнее, чем прежде, расходились носители левых и правых убеждений. Это способствовало все большему сближению с западными интеллектуалами, в том числе и умеренно левыми, на волне антифашистских настроений. Именно 1930-е гг. закономерно стали временем многочисленных международных мероприятий, конференций в СССР и Европе, в том числе писательских. Так, на Парижском конгрессе в защиту культуры, в организации которого активное участие принимал Советский Союз, главной «мантрой», по выражению К. Кларк, была именно «мировая литература» [см.: Clark 2011: 179].

Этим не исчерпывались перемены на внешнеполитической арене. Международное объединение революционных писателей (далее — МОРП), возникшее в 1930 г. и являвшееся литературным крылом Коминтерна, в начале десятилетия отличалось радикальными настроениями в отношении иностранных писателей, «друзей» СССР. В этом смысле позиция участников РАПП с их критикой непартийных писателей была созвучна взглядам МОРП. После попыток реорганизации МОРП была ликвидирована вовсе. Иностранная комиссия Союза советских писателей стала в некотором смысле ее заменой. Эти преобразования придавали гибкость культурной политике СССР. Альтернативой всем предшествующим литературным организациям внутри страны стал Союз писателей. Оргкомитет Союза писателей, занимавшийся организацией Первого съезда советских писателей (1934 г.), предложили возглавить Максиму Горькому, который в это время окончательно вернулся в СССР и по-прежнему оставался одним из главных сторонников идеи укрепления международных позиций советской

культуры. Именно на Горького, как на писателя с международной репутацией, советское правительство делало ставку в задаче достичь мирового литературного уровня.

Поворот в сторону культурного интернационализма обеспечивался и внутренними переменами. Ключевым обстоятельством стало постановление ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. с последующей ликвидацией РАПП, наиболее влиятельной литературной организации первой пятилетки, которая выступала с жесткой критикой непартийных писателей.

Литературоцентричная сталинская эпоха отводила писательскому сообществу роль проводника культурной политики советского государства. Если для политической дипломатии Коминтерна была характерна ориентация на идею мировой революции, то для культурного сближения необходима была сходная по масштабу концепция, концепция «мировой литературы», которая по-новому актуализировалась в условиях 1930-х гг.

В этих условиях Первый съезд советских писателей также отразил интернациональную ориентацию в культурной политике. Благодаря инициативе Горького, на съезд были приглашены иностранцы. В контексте преобразований, которые претерпела тематика и повестка мероприятия, показательное следующее. Кадровые перестановки в организации съезда и внутренние конфликты оттягивали момент его созыва. Первоначально съезд планировалось провести в мае 1933 г., затем он неоднократно откладывался — вплоть до 1934 г. В статье Л. В. Максименкова, работавшего с архивными документами, отмечено, что еще в 1933 г. «единственному предметному обсуждению предполагалось подвергнуть драматургию» [Максименков 2003: 213] и национальные литературы республик СССР. В архиве не было найдено иных документов, где речь бы шла о содержании выступлений и списках заявленных докладчиков вплоть до весны 1934 г. И только 16 июня, фактически за месяц до события, в газете «Правда» на последней полосе вышел текст Постановления президиума Всесоюзного оргкомитета «О Всесоюзном съезде советских писателей», содержавшего основные темы съезда,

круг которых был значительно расширен [см.: Правда. 1934. № 164. 16 июня]. В частности, в постановлении в качестве докладчика значился К. Б. Радек с выступлением «О международной художественной литературе». Можно предположить, что введение интернациональной проблематики в круг тем незадолго до съезда отражало поворот в сторону Запада. К тому же репутация самого Радека была в это время прочно связана с внешнеполитическими вопросами. Именно он с 1932 г. был главой нового органа, Бюро международной информации при Отделе культуры и пропаганды ЦК [см: Кен 2003: 147]. Новая организация подчинялась Политбюро и лично И. В. Сталину и занималась вопросами внешней политики, в том числе проблемами стратегий влияния на общественное мнение за границей.

Как и другие выступления на съезде, по-видимому, текст доклада Радека «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства» не проходил предварительной цензуры. Радек писал Сталину 16 июля:

Дорогой товарищ Сталин. Посылаю Вам набросок доклада на съезде писателей с просьбой указаний. <...> Я убежден, что за время, когда Вы направляете моей публицистической работой, Вы смогли убедиться в том, что я пытаюсь серьезно продумать положение и что всякое Ваше указание я пытаюсь не только выполнить, но и осмыслить [цит. по: Максименков 2003: 231].

Письмо было перенаправлено Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову и не получило содержательного отклика. Сам доклад интересен тем, что в нем дана наиболее общая картина литературного процесса, который подчинен идее «мировой литературы». В истории литературы Радек выделял следующие этапы: литература доклассового общества (фольклор), литература классового общества (буржуазная) и современная литература. Настоящая литературная ситуация — переходный этап, начавшийся после Первой мировой войны. В нем наблюдается процесс «расслоения» «мировой литературы» на литературу «загнивающего капитализма», пролетарскую литературу, литературу колеблющихся элементов. Радек заключал:

Если уже раньше мировая буржуазия потеряла монополию в мировой литературе, ибо во всех странах начала возникать пролетарская литература, то теперь происходит раскол в самых недрах мировой литературы буржуазии [Всесоюзный съезд 1934: 302].

Исходя из убеждения в обреченности капиталистической системы, Радек развивал свою оригинальную концепцию. Он говорил о наступлении нового этапа в мировой истории, в ходе которого зарождается новая «мировая литература». Между новой «мировой литературой» и литературой предыдущего этапа нет полного разрыва. Она является продолжением, наследником буржуазной литературы. Радек перечисляет писателей прошлого: У. Шекспир, Гете, Ф. Шиллер, Дж. Байрон, Г. Гейне и «хотя бы Виктор Гюго» [Всесоюзный съезд 1934: 303]. Из сказанного очевидно, что мировая социалистическая революция и мировая социалистическая литература, по Радеку, заключали в себе наступление нового исторического этапа.

Идея глубокого прошлого «мировой литературы» подавалась в качестве того преимущества, которым обладает именно социалистическая литература, и во множестве других докладов на съезде. Главным аргументом в риторике выступавших было противопоставление СССР фашистской Германии, где сжигали книги, и буржуазному Западу. Эта антитеза тиражировалась и в последующие годы.

С. С. Динамов в своей речи назвал наиболее расхожие представления об отношении современной социалистической литературы к литературной классике:

Чудесные и мощные руки великих художников и критиков прошлого создали огромное сверкающее здание мировой литературы. И вот пролетариат, единственный наследник всей культуры прошлого и зачинатель культуры будущего, стоит на мраморной площадке этого ослепительного здания. <...> До революции призраки и туман закрывали здание мирового искусства. А теперь под солнцем социализма оно стоит во всей сказочной яркости своих красок [Всесоюзный съезд 1934: 449].

Одной из главных культурных практик, прямо связанных с идеей «мировой литературы», являлось книгоиздание. Оно обслуживало ряд политических задач, стоящих перед советской властью в 1930-е гг. К ним относились в том числе и задачи, обусловленные желанием достичь гегемонии в вопросах культуры внутри СССР, чему служили издание и перевод книг для нужд республик, входящих в состав Союза. Еще в докладе Горького прозвучали слова о том, что «советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература» [Всесоюзный съезд 1934: 15]. Таким образом, на пропагандистскую роль новой социалистической литературы, служившую инструментом борьбы за социалистические идеи за рубежом, ставка делалась и внутри Союза.

Объединяющая роль культуры в этот период отыгрывалась в полной мере. В выступлениях, посвященных культурной ситуации внутри союзных республик, содержались отчеты о переводах и изданиях классиков «мировой литературы», освещались проблемы издания современной социалистической литературы, в особенности русскоязычных авторов, как основного ориентира в деле построения новой литературной традиции, как образцов с точки зрения жанра и литературного мастерства для более отсталых республик. Посредством книгоиздания осуществлялась задача консолидации литератур соседних республик вокруг русской современной литературы. В этой связи провозглашалась идея необходимости переводить национальных писателей и поэтов на иностранные языки. Следует отметить некоторую иерархию в отношении республик. В рамках отбора и критики национальных литератур узконациональная проблематика ставилась в плюс «отстающим» республикам и объявлялась опорой на народные традиции. Требования же глубокого интернационального содержания предъявлялись к произведениям авторов братских Украинской и Белорусской ССР. И то, и другое обеспечивало вхождения как авторов прошлого, так и современных республиканских писателей и поэтов в круг мировых, в «мировую литературу». Горький в докладе «О советской литературе» утверждал:

Ознакомление с прошлым литературы народов Союза советских республик убеждает в том, что даже до Октябрьской революции, в условиях ужасающего национального гнета, эти народы сумели все-таки выдвинуть ряд крупнейших имен, крупнейших творцов, мастеров художественной литературы, произведения которых вошли в сокровищницу литературы всемирной [Всесоюзный съезд 1934: 14].

Для достижения мирового статуса перед советскими писателями стояли задачи творческого характера. На съезде провозглашалась необходимость создания новых типов и должного воплощения ключевых для пролетарской литературы образов. Так, Горький говорил: «О мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета» [Всесоюзный съезд 1934: 16].

Категория формы, по мнению ряда докладчиков, являлась слабым местом современной литературы. В докладе грузинского писателя М. С. Джавахишвили выдвигалось следующее утверждение:

Буржуазный Запад охвачен тревогой, являющейся признаком духовного одряхления, надвигающейся смерти. Однако в отношении формы мы все еще отстаем от него. <...> Борьба за качество есть борьба за совершенную форму. Когда советская литература овладеет этой формой, тогда и только тогда мы поднимемся до уровня мировых классиков [Всесоюзный съезд 1934: 145].

Наряду с критерием формы для достижения мирового значения перед писателями ставилась задача поиска темы. При этом провинциальность в ее выборе становилась препятствием для достижения мирового уровня, требовались темы мирового масштаба. Помимо предъявляемых советскому писателю идей литературной учебы (звучавшей еще в 1920-е гг.) и опоры на классиков для выведения литературы «на то место, которое ей принадлежит по праву, на вершины мирового искусства» [Всесоюзный съезд 1934: 208] был необходим требовательный читатель, которого также предстояло воспитать.

В выступлениях на съезде в связи с идеей «мировой литературы» можно выделить еще ряд общих мест. В первую очередь стоит отметить характерный для большинства делегатов и участников взгляд на съезд как на событие мирового значения. Так, в многочисленных обращениях и приветствиях встречаются следующие формулировки: «<...> горячо приветствуем передовой отряд мировой пролетарской литературы в лице первого всесоюзного съезда советских писателей» [Всесоюзный съезд 1934: 103], «<...> мы еще будем участниками мировых конгрессов социалистической литературы <...> мы будем пожимать руки делегатов Африки, Австралии, Южной Америки» [Всесоюзный съезд 1934: 151]. Само событие в речах выступающих позиционировалось как беспрецедентное по отношению ко всей предшествующей культуре. Также многократно высказывались суждения о съезде как о событии, переросшем рамки всесоюзного. Главный аргумент — присутствие представителей различных наций, республик и зарубежных гостей. В работе съезда приняли участие 43 иностранца — левые и сочувствующие им литераторы, такие как Л. Арагон, О. М. Граф, А. Мальро. Мировой масштаб съезда подчеркивался в прямой речи утверждением пристального внимания из-за границы и огромного влияния события на другие страны. Так, В. П. Потемкин, посол СССР во Франции, в приветствии к съезду заявлял:

Мы уверены также в том, что не только мы интересуемся вашим съездом. За ним с неменьшим вниманием следят пролетарии и революционная интеллигенция всего мира, ибо наша художественная социалистическая литература является организующим и ведущим звеном всей мировой пролетарской литературы [Всесоюзный съезд 1934: 670].

В сходном ключе и интонации высказываются и зарубежные гости. И. Ласт, левый голландский писатель, говорил:

Мы знаем, что мы еще не созрели для разрешения стоящих перед нами задач, поэтому мы счастливы возможности поучиться на вашем опыте. Советские писатели в Голландии не только известны: они являются источником воодушевления для нашего пролетариата, и Горький —

наиболее популярный писатель Голландии <...>. Как коммунистическая партия под руководством т. Сталина образует собою авангард мирового пролетариата, точно так же советские писатели являются авангардом мировой литературы. Позвольте мне еще раз передать вашему съезду революционный привет от имени трудящихся масс Индонезии, Суринама, Голландии, Фрисландии, Фландрии [Всесоюзный съезд 1934: 340].

Несмотря на торжественный, официозный характер и тон речей, советские и иностранные участники понимали, что мероприятие не является политически и творчески независимым событием. Как грядущая мировая социалистическая революция, так и «мировая литература» имели своих вождей в лице Сталина и Горького соответственно, что многократно подчеркивалось в выступлениях.

Итак, Первый съезд советских писателей в 1934 г. ознаменовал собой время бурной рефлексии — пусть и искусственно инициированной — вокруг понятия «мировой литературы». Разговор о задачах литературы и о литературе в целом без соотнесения с «мировой литературой» был более невозможен. Многие выступления и высказывания делегатов по сути своей были довольно беспредметны и имели целью пропагандировать идею о мировом первенстве советской литературы. В ходе подготовки съезда шла мощная пропаганда идеи «мировой литературы» как главной категории для восприятия литературы СССР и социалистической литературы всего мира. Таким образом, практика вписывания писателей прошлого и настоящего в круг «мировых» создавала особенное отношение к «мировой литературе»: для советского культурного сознания 1930-х гг. «мировая литература» обретала черты процесса, происходящего здесь и сейчас. Современность и классика становились вещами одного порядка.

Доклад Радека и другие выступления позволяют судить о том, что содержание понятия «мировой литературы» расширялось. Это расширение обеспечивалось тем, что широкий круг проблем во внутренней и внешней политике Союза предполагалось решать с помощью культуры. Следовательно, литературное творчество наделялось инструментальной функцией. Проследившая историю понятия в его отношении к политической конъюнктуре

в 1930-е гг., можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, вместе с внешнеполитическим поворотом в сторону интернационализма идея «мировой литературы» становилась эмблемой новой культурной политики Советского Союза и величия социалистического мира в целом. Так, на внешнеполитической арене под идею «мировой литературы» подвешиваются практики, связанные с задачей завоевания культурной гегемонии СССР в мире. С другой стороны, «мировая литература» распадалась на ряд элементов в соответствии с политической прагматикой внутри страны, реализуясь в книгоиздании, институциональной организации писательской среды. Идея «мировой литературы» была во многом подчинена идее власти и использовалась в борьбе за мировое признание и лояльность республик внутри Союза.

СОКРАЩЕНИЯ

Всесоюзный съезд 1934 — Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934.

Кен 2003 — *Кен О.* Карл Радек и Бюро Международной Информации ЦК ВКП(б), 1932—1934 // *Cahiers du Monde russe*. 2003. № 44. С. 135—178.

Маркс, Энгельс 1955 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. М., 1955. Т. 4.

Максименков 2003 — *Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // *Вопросы литературы*. 2003. № 4. С. 212—258.

Эккерман 1981 — *Эккерман И.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981.

Clark 2011 — *Clark K.* Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931—1941. London, 2011.

David 2011 — *David J.* Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». Paris, 2011.